

БЕЛЫЙ КЛЫК

Часть первая

I. В погоне за мясом

Темный хвойный лес высился по обеим сторонам скованного льдом водного пути. Пронесшийся незадолго перед тем ветер сорвал с деревьев белый снежный покров, и в наступающих сумерках они стояли черные и зловещие, как бы прикинув друг к другу. Бесконечное молчание окутало землю. Это была пустыня — безжизненная, недвижимая, и до того здесь было холодно и одиноко, что даже не чувствовалось грусти. В этом пейзаже можно было подметить скорее подобие смеха, но смеха, который страшнее скорби, смеха безрадостного, как улыбка сфинкса, холодного, как лед. То вечность, премудрая и непреклонная, смеялась над суетностью жизни и тщетой ее усилий. Это была пустыня — дикая, безжалостная северная пустыня.

И все же в ней была жизнь, настоженная и вызывающая. Вдоль замерзшего водного пути медленно двигалась стая волкоподобных собак. Их взъерошенная шерсть была покрыта инеем. Дыхание, выходявшее из их пастей, тотчас же замерзло в воздухе и, осаждаясь

в виде пара, образовывало на их шерсти ледяные кристаллы. На них была кожаная упряжь; такими же постромками они были впряжены в сани, тянувшиеся позади. Нарты не имели полозьев; они были сделаны из толстой березовой коры и всей своей поверхностью лежали на снегу. Передний конец их был несколько загнут кверху, что давало им возможность подминать под себя верхний, более мягкий, слой снега, пенившийся впереди, точно гребень волны. На нартах лежал крепко привязанный узкий длинный ящик и лежали еще кое-какие вещи: одеяло, топор, кофейник и сковорода, но прежде всего бросался в глаза продолговатый ящик, занимавший большую часть места.

Впереди на широких канадских лыжах шагал, пробивая собакам дорогу, человек. За нартами шел другой, а на нартах в ящике лежал третий человек, путь которого был закончен, человек, которого пустыня победила и сразила, навсегда лишив его возможности двигаться и бороться. Пустыня не терпит движения. Жизнь оскорбляет ее, потому что жизнь — это движение, а вечное стремление пустыни — уничтожить движение. Она замораживает воду, чтобы остановить ее течение к морю; она выгоняет сок из деревьев, пока они не промерзнут до самого своего мощного сердца, но всего свирепее и безжалостнее давит и преследует пустыня человека, самое мятежное проявление жизни, вечный протест против закона, гласящего, что всякое движение неизменно приводит к покою.

Впереди и позади нарт, бесстрашные и неукротимые, шли те два человека, которые еще не умерли. Они были закутаны в меха и мягкие дубленые кожи. Брови, щеки и губы у них были так густо покрыты инеем, осевшим на лица от их морозного дыхания, что черты их почти

невозможно было различить. Это придавало им вид каких-то замаскированных привидений, провожающих в загробный мир еще одно привидение. Но под этими масками были люди, желавшие проникнуть в царство отчаяния, насмешки и безмолвия, маленькие существа, стремившиеся к грандиозным приключениям, боровшиеся с могуществом страны, далекой, чуждой и безжизненной, как бездны пространства.

Они шли молча, сберегая дыхание для тяжелой работы тела. Надвинувшаяся со всех сторон тишина давила на них своим почти осязуемым присутствием. Она давила на их мозг подобно тому, как воздух силой многих атмосфер давит на тело спустившегося в глубину водолаза, давила всей тяжестью бесконечного пространства, всем ужасом неотвратимого приговора. Тишина проникала в самые глубокие извилины мозга, выжимая из него, как сок из винограда, все ложные страсти и восторги, всякую склонность к самовозвеличению; она давила так, пока люди сами не начинали считать себя ограниченными и маленькими, ничтожными крупинками и мошками, затерявшимися со своей жалкой мудростью и близоруким знанием в вечной игре слепых стихийных сил.

Прошел один час, другой... Бледный свет короткого бессолнечного дня почти померк, когда в тихом воздухе раздался вдруг слабый отдаленный крик. Он быстро усиливался, пока не достиг высшего напряжения, протяжно прозвучал, дрожащий и пронзительный, и снова медленно замер вдали. Его можно было бы принять за вопль погибшей души, если бы не резко выраженный оттенок токсической злобы и мучительного голода. Человек, шедший впереди, оглянулся, и глаза его встретились с глазами шедшего сзади. И, переглянувшись поверх узкого продолговатого ящика, они кивнули друг другу.

Второй крик с остротой иглы прорезал тишину. Оба человека определили направление звука: он шел откуда-то сзади, со снежной равнины, которую они только что оставили позади. Третий ответный крик послышался несколько левее второго.

— Билл, они идут следом за нами, — сказал человек, шедший впереди.

Голос его звучал хрипло и неестественно, и говорил он с видимым усилием.

— Мясо стало редкостью, — ответил его товарищ. — Вот уже несколько дней, как нам не попадался след зайца.

После этого они замолчали, продолжая чутко прислушиваться к крикам, раздававшимся сзади, то тут, то там.

С наступлением темноты они направили собак к группе елей, высившихся на краю дороги, и остановились на ночлег. Гроб, поставленный около костра, служил им одновременно скамьей и столом. Собаки, сбившись в кучу у дальнего края костра, рычали и грызлись между собой, не обнаруживая ни малейшего стремления порыскать в темноте.

— Мне кажется, Генри, что они что-то чересчур усердно жмутся к костру, — сказал Билл.

Генри, сидевший на корточках около костра и опускавший в этот момент кусочек льда в кофе, чтобы осадить гущу, кивнул в ответ. Он не произнес ни слова до тех пор, пока не уселся на гроб и не принялся за еду.

— Они знают, где безопаснее, — ответил он, — и предпочитают есть сами, а не стать пищей для других. Собаки — умные животные.

Билл покачал головой:

— Ну, не знаю...

Товарищ с удивлением посмотрел на него.

— В первый раз слышу, что ты не признаешь за ними ума, Билл!

— Генри, — ответил тот, задумчиво разжевывая бобы, — заметил ты, как они вырывали сегодня друг у друга куски, когда я кормил их?

— Да, больше, чем обыкновенно, — согласился Генри.

— Сколько у нас собак, Генри?

— Шесть.

— Хорошо, Генри... — Билл на минуту остановился, как бы для того, чтобы придать своим словам еще больше веса. — Так, у нас шесть собак, и я взял из мешка шесть рыбин. Я дал каждой по рыбе и... Генри, одной рыбы мне не хватило!

— Ты ошибся в счете!

— У нас шесть собак, — хладнокровно повторил Билл. — И я взял шесть рыбин, но Одноух остался без рыбы. Я вернулся и взял из мешка еще одну рыбу.

— У нас только шесть собак, — проворчал Генри.

— Генри, — продолжал Билл, — я не говорю, что это все были собаки, но получили по рыбе семеро.

Генри перестал есть и через огонь пересчитал глазами собак.

— Их только шесть, — сказал он.

— Я видел, как одна убегала по снегу, — настойчиво заявил Билл. — Их было семь.

Генри соболезнующе посмотрел на него.

— Знаешь, Билл, я буду очень рад, когда это путешествие закончится.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Мне кажется, эта обстановка начинает действовать тебе на нервы и тебе мерещатся несуществующие вещи.

— Я сам подумал об этом, — серьезно заметил Билл, — и поэтому, когда она убежала, я тщательно осмотрел снег

и нашел ее следы. Затем я внимательно пересчитал собак: их было только шесть. Следы еще сохранились на снегу. Хочешь, я покажу тебе их?

Генри ничего не ответил и продолжал молча жевать. Окончив есть, он выпил кофе и, обтерев рот тыльной стороной руки, сказал:

— Значит, ты думаешь...

Протяжный, зловещий крик, раздавшийся откуда-то из темноты, прервал его.

Он замолчал, прислушался и, указывая рукой в сторону, откуда донесся вой, закончил:

— Что, это был один из них?

Билл кивнул головой.

— Черт возьми! Я не могу представить себе ничего другого. Ты и сам видел, как взволновались собаки.

Вой и ответный вой прорезали тишину, превращая безмолвие в сумасшедший дом. Звуки слышались со всех сторон, и собаки, в страхе прижимаясь друг к дружке, так близко подошли к огню, что на них начала тлеть шерсть. Билл подбросил дров в костер и закурил трубку.

— А мне все-таки кажется, что ты немного того... сбрендил, — произнес Генри.

— Генри... — Он медленно затаился, прежде чем продолжать. — Я думаю о том, насколько он счастливее нас с тобой.

Он ткнул большим пальцем в ящик, на котором они сидели.

— Когда мы умрем, — продолжал он, — это будет счастьем, если найдется достаточно камней, чтобы наши трупы не достались собакам.

— Но ведь у нас нет ни друзей, ни денег, ни многого другого, что было у него, — возразил Генри. — Вряд ли кто-нибудь из нас может рассчитывать на пышные похороны.

— Не понимаю я, Генри, что могло заставить вот этого человека, который у себя на родине был лордом или чем-то вроде этого и никогда не нуждался ни в пище, ни в крове, — что могло заставить его сунуться в этот богом забытый край!

— Он мог бы дожить до глубокой старости, если бы остался дома, — согласился Генри.

Билл открыл рот, чтобы заговорить, но передумал и устремил глаза в темноту, теснившую их со всех сторон. В ней нельзя было различить никаких очертаний, и только видна была пара глаз, блестящих, как горящие уголья. Генри кивком головы указал на вторую пару глаз, затем и на третью. Эти сверкавшие глаза кольцами опоясывали стоянку. Временами какая-нибудь пара двигалась и исчезала, но тотчас же появлялась вновь.

Беспокойство у собак все возрастало, и, охваченные страхом, они скупились вдруг около костра, стараясь заползти под ноги людям. В свалке одна из собак упала у самого края огня и жалобно завывала от страха; в воздухе распространился запах опаленной шерсти. Шум и смятение заставили круг сверкающих глаз беспокойно задвигаться и даже отступить, но, как только все успокоилось, кольцо снова сомкнулось.

— Скверное дело, брат, коли нет зарядов.

Билл вытряхнул трубку и стал помогать товарищу устраивать постель из одеял и меховых шкур на еловых ветках, которые он разложил на снегу еще до ужина. Генри проворчал что-то и принялся расшнуровывать мокасины.

— Сколько у тебя осталось патронов? — спросил он.

— Три, — последовал ответ. — Хотел бы я, чтобы их было триста; уж я бы показал им, черт возьми!